

Цзян Юй нахмурился, взглянув на Лу Люкуна:

— Отпусти, ты меня сжимаешь так, что больно.

Лу Люкун мгновенно отдернул руку, словно обжегся, опустив глаза:

— Прости.

Цзян Юй улыбнулся, легонько повернув запястье:

— Ничего страшного. В современной одежде можно носить часы, а в исторических костюмах рукава длинные, так что на актёрскую карьеру это не повлияет.

Лу Люкун задохнулся от его слов.

Перед Цзян Юем его гордость за собственную сдержанность и воспитанность словно улетучилась.

Лицо Лу Люкуна стало мрачным, и он едва сдержался, чтобы не связать Цзян Юя. Слова уже готовы были сорваться с его губ:

— Ты думаешь, я беспокоюсь о твоей актёрской карьере?

Но в итоге он лишь слегка закрыл глаза и спокойно произнёс:

— Почему у тебя началась депрессия?

Цзян Юй уже закутался в одеяло, свернувшись калачиком. Он усмехнулся с лёгкой иронией:

— Не было какого-то конкретного повода. Болезнь — это не то, что можно объяснить. Давай не будем об этом.

Лу Люкун замер, уставившись на его затылок.

Через мгновение он щёлкнул выключателем:

— Ладно, я не буду спрашивать...

— Но если у тебя снова появятся подобные симптомы, как твой агент, я имею право знать.

Цзян Юй кивнул:

— Конечно, я сразу тебе сообщу.

Возможно, из-за того, что рядом лежал живой человек, или потому что в комнате не было зомби-кролика с лампой, Цзян Юй спал довольно комфортно.

Его поза во сне была удивительно аккуратной. Несмотря на то что в обычной жизни он вёл себя развязно и сидел как попало, во сне он лежал на спине, руки сложены на животе. Лу Люкун провёл рядом с ним большую часть ночи, убедившись, что Цзян Юй крепко спит, и через некоторое время осторожно протянул руку, чтобы взять его запястье.

Руки Цзян Юя были красивыми, словно созданными для игры на фортепиано — такими, что любая мать, приведя сына в магазин музыкальных инструментов, услышала бы от учителя

похвалу. Шрам на его запястье выглядел уродливо, как трещина на дорогом фарфоре. В обычной жизни, благодаря плотной одежде, он не казался худым, но теперь, в тонкой пижаме, Лу Люкун заметил, что он стал намного стройнее, чем в школьные годы.

Вспомнив, как Цзян Юй в школьные годы часто дрался, всегда выходя победителем, с чёрными волосами, разлетающимися от пота, Лу Люкун не мог не подумать, насколько он был красив тогда. Но сейчас, держа его запястье, он чувствовал, что Цзян Юй даже не может вырваться — настолько ослабели его силы.

Лу Люкун, держа его запястье, наконец вздохнул и осторожно вернул руку на место.

Затем он лёг рядом с Цзян Юем, глядя в потолок, чувствуя смесь раздражения и беспомощности. Перевернувшись несколько раз, он наконец повернулся на бок, слушая ровное дыхание человека рядом, и потянул одеяло с его лица, приговаривая:

— Чтоб ты задохнулся. Я из-за тебя не могу уснуть, а тебе хоть бы что.

Он язвительно добавил:

— Артист сам лезет в постель, а я из-за этого злюсь. Какой же я несчастный спонсор?

Неудивительно, что на следующий день у Лу Люкуна были ещё более сильные тёмные круги под глазами.

Цзян Юй ехал с ним в машине в компанию, удивляясь:

— Большой босс, ты что, боишься? Я же спал рядом с тобой. Ну, расскажи, во сколько ты уснул?

Лу Люкун бросил на него косой взгляд:

— В пять.

— В пять!? — Цзян Юй повысил голос. — Ты действительно боишься призраков больше, чем я?

Лу Люкун усмехнулся.

Цзян Юй, не замечая этого, продолжал болтать:

— Нельзя так, большой босс. Мы же наследники социализма, не должны бояться всяких пережитков старого общества. Только придерживаясь социалистических ценностей, ты сможешь идти дальше и выше.

Лу Люкун оттолкнул его:

— Сегодня спи один.

Цзян Юй испугался и поспешил исправить ситуацию, торжественно заявив:

— Нет, если у товарища проблемы, организация должна помочь ему преодолеть трудности.

Лу Люкун резко нажал на газ.

Цзян Юй с шумом упал на спинку сиденья, раздражённо выпрямился:

— Эй, ты что, не можешь играть по-честному?

Однако, несмотря на громкие слова, некоторые люди всё же остаются честными в своих поступках. Лу Люкун, с тёмными кругами под глазами, как обычно, стал объектом насмешек своих приближённых, а также получил горячее яйцо от своего любимца.

Цзян Юй бросил ему марлю, приговаривая:

— Я тебя обожгу.

Старик Гао Ивэнь, который учил Цзян Юя актёрскому мастерству, приходил через день, а в свободные дни просил его самого разбираться с ролями.

Цзян Юя с детства хвалили за ум, и даже после того как он забросил учёбу в старших классах, он всё же сдал экзамены неплохо. В актёрском мастерстве он оказался удивительно талантливым. В перерывах между разбором ролей он смотрел фильмы режиссёра Ли Вэньбиня.

Режиссёр Ли был тем, кто балансировал между совестью и желанием заработать. Рейтинги его фильмов на Douban варьировались от 2.8 до 8.2. Когда он снимал с совестью, он действительно вкладывал душу в сценарий и тщательно подбирал актёров. Но когда он хотел заработать, он набивал фильмы молодыми актёрами и актрисами, как, например, в фильме «Проклятие: Заклятие», который получился довольно глупым.

Конечно, сегодня, когда Цзян Юй рассказал об этом Ли Баобао, тот спросил:

— Если он снял такой глупый фильм, почему ты всё же испугался? Может, ты ещё глупее?

Цзян Юй чуть не ударил его.

Сегодня, после просмотра фильмов весь день, Цзян Юй сам метался между недоумением и погружением в роль.

Он находился в общей зоне отдыха, разделённой на небольшие квадраты, что-то вроде коворкинга. Элис, проходя мимо, чтобы налить колу, взглянула на его ноутбук и спросила:

— Наверху есть кинозал, почему ты не пошёл туда смотреть фильмы?

Цзян Юй поднял голову:

— А? Я не знал, что наверху есть кинозал.

Он сделал паузу:

— Ты наливаешь колу в термос?

Термос, выданный при приёме на работу, был в руках у Элис, и на нём гордо красовались три иероглифа «Алмазная сутра».

Элис поправила:

— Ледяную колу.

Цзян Юй:

— ...Разве это не одно и то же?

Элис серьёзно ответила:

— Неледяная кола не имеет души.

Она указала ему:

— Кинозал рядом с офисом твоего агента, там есть проектор с высоким разрешением, звук отличный.

— Хорошо, потом посмотрю.

Элис, которая перед Лу Люкуном вела себя высокомерно, оказалась неожиданно дружелюбной. Цзян Юй отодвинул ноутбук:

— Эй, могу я задать тебе ещё пару вопросов?

— Ну, давай.

— Лу Люкун заключил с тобой пари, он подписал контракт со мной, а с кем ты подписала?

Элис: ...

— Честно говоря, — она вылила поток горьких слёз, — я ещё не выбрала.

Цзян Юй не поверил этой болтовне:

— Ну, давай, расскажи? Ты меня видела уже несколько раз, а я его ни разу не видел... Не называй имя, просто скажи, какой он.

Элис: ...

Её мозг уже работал на пределе.

— Неужели и этого нельзя сказать? — Цзян Юй сдался. — Он похож на меня?

Элис отвела взгляд:

— Нет... не похож.

Она огляделась и наконец остановила взгляд на бодхисаттве, выгравированной на термосе, с ярким сиянием за спиной. Элис, используя скудный словарный запас, сказала:

— Он не такой... он тот, кого любят многие, понимаешь? Он сияет...

— Сияет? — Цзян Юй задумался. — Значит, он полон энергии, типа солнечного мальчика? Звучит мило, должно быть, он популярен.

Элис молча проглотила слова «спасающий всех живых существ».

— Да... да, именно солнечный мальчик, ха-ха-ха, с сильной молодёжной энергетикой.

— Хорошо. — Цзян Юй, наконец получивший информацию о своём сопернике, улыбнулся. — Жду встречи с ним.

Они попрощались, и разговор закончился на приятной ноте.

Элис ушла, словно в трансе.

Она направилась прямо в офис Лу Люкуна, закрыла за собой дверь и сказала:

— Лу, мне нужно больше денег.

Вечером Цзян Юй вернулся домой к Лу Люкуну, растянулся на диване, сделанном на заказ его братом, и обсудил с агентом полученную информацию.

Он подпер подбородок рукой:

— Мне кажется, Элис ко мне довольно дружелюбна, разве вы не соперники?

— Мы соперники в бизнесе, но это не мешает нам общаться в частной жизни.

Лу Люкун говорил медленно, заваривая чай. Этот человек был крайне требователен к жизненным удовольствиям, настолько, что для разных видов чая — зелёного, чёрного, улуна — у него были разные чайные принадлежности, и даже чайники из жуяо и цзыша делились на высшие и низшие сорта.

<http://bllate.org/book/16317/1472317>